

УДК 321 (575.2) (04)

“ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ” В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

А. Дононбаев – докт. полит. наук

In political culture of the soviet person is analyzed a role of the institute of “double standard”. A model of political culture in the USSR is considered through phenomenon of consciousness and behavior “duality” of the person.

Феномен “double think” (“двоемыслие”, “двойной стандарт”) образно напоминает “двуликого Януса”, лица которого смотрят в разные стороны. “Двойной стандарт” – это так называемое расхождение между *словом и делом*, когда люди во всеуслышание провозглашают и говорят одно, но в самой реальной практике жизни делают совершенно противоположное, широко известное общественное явление. Институт “двойного стандарта” в политической культуре имеет глубокие исторические корни и многообразные проявления в человеческой деятельности. И в настоящее время “двойной стандарт” наблюдается в политической культуре многих стран и народов. Различия лишь в том, что это явление в разных обществах и странах обладает своей особенной формой выражения и несет в своем содержании печать национального характера и исторической памяти. И в постсоветских странах СНГ “двойной стандарт” получил многостороннее и основательное воплощение. Здесь значительную роль сыграло советское наследие.

В общем же это явление имеет тенденцию быть везде. Так, например, “двойной стандарт” не обошел стороной американскую политическую культуру. Известный в прошлом советский социолог Д. Шляпентох, эмигрировавший в США и долгое время проживший в глубинке, указывает на одну специфическую черту американского характера: врожденное

двуличие, природный “византизм”. Крайний индивидуализм заставляет американца переступить за черту дозволенного моралью. Но даже себе самому он не может признаться в узкокорыстной, а тем более аморальной основе своих мотивов. Поэтому желание представить свои эгоцентрические действия как глубоко моральные, общественно полезные, приводит к тому, что то, что американец говорит, и то, что он думает, а особенно то, что он делает, часто ничего общего между собой не имеют. Американец вынужден скрывать свой эгоизм, противоречащий общественной морали и провозглашать на словах коллективистские цели и принципы¹.

Американский исследователь Л. Пай отмечает такую особенность политической культуры Китая, как “когнитивный диссонанс”². Прежде всего он проявляется в предельно выраженном прагматизме китайского политического мышления. Можно нарушить данное слово, изменить друзьям, перекинуться на противоположную сторону, отказаться от позиции, которой до недавних пор был верен, если это диктуется пережившейся ситуацией,

¹ Шляпентох Д. “Что делать?” и “Кто виноват?” – вечные вопросы советологии // НГ-сценарии. – 1998. – №9. – С. 4.

² Pye L.W. On Chinese pragmatism in the 1980 s. // China quarterly. – L.: 1986. – №105. – P. 219.

тактическими соображениями, связанными с приходом к власти иной политической группировки. Прагматическая ориентация заставляет постоянно “держат нос по ветру” и, в случае нужды, вовремя поменять политический курс. Причем политическая среда как бы даже не осуждает, а напротив, поощряет умение своевременно отойти от потерпевших поражение и примкнуть к победителям¹.

Но именно в Советском Союзе “двойной стандарт” получил наиболее широкое распространение и глубокое применение. С впечатляющим размахом это явление вошло в “плоть и кровь” советского человека. В советском обществе оно обрело подлинно институциональные характеристики и признаки. Следовательно, чтобы понять природу данного феномена, желательно изучение рассматриваемой здесь темы в контексте органичного единства исторического и логического методов познания.

Известно, что побудительные мотивы человеческого поведения отправляются от таких важнейших факторов, как приказ, закон, интерес и вера. Человек во многообразии своих деяний либо подчиняется приказу, либо следует закону, либо преследует интерес, либо убеждается верой. Конечно, в реальной жизни мы сталкиваемся с тем или иным их взаимным сочетанием. Но исторически во всех случаях стимулирующей и укрепляющей основой оказывается власть. Власть отдает приказы, издаёт законы, направляет интересы, укрепляет веру.

Однако в какой степени все эти факторы органично вписаны, так сказать “овнутренны”, в духовную структуру человека?

Власть, общественные и политические институты, государственные органы, заставляя человека совершать те или иные поступки, сами как таковые не обладают конкретными механизмами формирования требуемых духовных качеств индивида. А ведь эти качества определяют направленность типологических характеристик личности. Любой власти всегда желательно, чтобы люди уж если не с удовольствием, то во всяком случае без сопротивления

исполняли ее повеления. А это легче достигается при соответствующем духовном, морально-психологическом настрое. Какой институт общества способен создать такой настрой?

Такой способностью обладает политическая культура. Специфика ее предметного содержания как раз отражает тот механизм, с помощью которого оказывается возможным “трансляция” властного волеизъявления в духовно ориентирующее качество сознания и поведения конкретно-исторической личности. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что эта связь не представляет картину какого-то однолинейного движения, а является сложным, зигзагообразным взаимодействием. Поэтому этот вопрос требует тщательного и многостороннего анализа.

“...Сколько бы свобод у нас ни отнимали, свобода воли остается неотчуждаемой”². Это красивое изречение верно, когда мы рассматриваем личность в пределе ее развития, в ситуации, приближенной к идеальной. Действительно, никакая власть, даже сломив человека телесно, обездолив материально, лишив всех прав, не может отнять свободную волю духовной личности. И этот факт подтверждается героическими примерами из истории. Индивидуальные судьбы таких персонажей, как Жанна д’Арк, Мартин Лютер, Джордано Бруно и других духовных вождей ярко свидетельствуют о невозможности сломить волю, если личность обладает мужеством сопротивляться гнету окружения и терпеть казалось бы нестерпимые мучения.

Вместе с тем, очевидно и то, что эти примеры являются исключением, а не правилом³. Как правило, всякая власть, любое отношение господства-подчинения, проявляющее себя в реальной жизни, это “присвоение” чужой во-

¹ Барский К.М. Компромисс в политической культуре Китая: противоборство и сотрудничество неформальных группировок в руководстве // Восток. – 1996. – №3. – С. 80–81.

² Гуревич А.Я. Изучение ментальностей: социальная история и поиски исторического синтеза // Советская этнография. – 1988. – №6. – С. 17.

³ Вместе с тем, исключения, которые были таковыми в ситуации “устоявшегося порядка”, могут стать правилом, если ситуация коренным образом меняется и порядок ломается, открывая дорогу каким-то новым явлениям и процессам. Обычно это происходит на “переломных” этапах истории, в “переходные” эпохи. И тогда то, что олицетворяло единичное и особенное “трансформируется” в общее и типичное.

ли. Часто в исторической практике власть и сопровождающее ее принуждение эффективно осуществлялись лишь в условиях определенного морально-психологического воздействия и внушения. Само создание властного авторитета есть нравственно-психологический акт, необходимыми предпосылками которого являются мотивы покорности, готовности к повиновению¹. Власть, коротко говоря, это возможность приказывать в таких обстоятельствах, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться. Однако власть, как показывает исторический опыт, действует и в тех случаях, когда не только приказывает, но и призывает, заинтересовывает и уверяет. И во всех этих случаях опорными механизмами духовного воздействия и реального подчинения оказываются различные типы и формы политической культуры.

Следовательно, политическая культура является институциональным образованием, выполняющим функцию формирования таких духовных качеств в структуре личности, которые “адекватно” требованиям действующей власти, и напротив, какой-то общественной силы, не обладающей властью, но потенциально претендующей быть ею, либо в “жесткой”, принудительно-насильственной, либо в “мягкой”, свободно-добровольной формах, создает ситуацию “присвоения” человеческой воли.

Политическая культура как целостная система имеет разветвленную, иерархическую структуру. Поэтому ученые обычно проводят различия между иерархическими ступенями политической культуры. Кроме общей, генеральной, политической культуры, вычлениваются субкультура и ролевая культура. Общая политическая культура определяет цели, задачи и принципы организации существующего взаимодействия государственного и личного начал в общественной жизни. Субкультуры представляют ответвления от основного ствола политической и ролевой культуры, имея общие корневые черты и наряду с этим отличаясь специфическими, только им присущими, при-

знаками. Образно говоря, она напоминает режиссера. Ролевая же культура предстает в образе актера. Режиссер управляет, а актер исполняет роль. Мне представляется, что в методологическом плане выделение ролевой культуры продуктивно. Каждая политическая культура опирается на какие-то конкретные механизмы, с помощью которых формирует духовные качества, ориентации и направляет сознание и поведение людей в определенное русло. В данном контексте такую функцию выполняет ролевая культура, составными частями которой выступают соционормативная и морально-психологическая культуры. Таким образом, эти механизмы создаются и реализуются на двух уровнях: во-первых, на уровне соционормативной культуры; во-вторых, на уровне морально-психологической культуры.

Соционормативная культура складывается в обществе и государстве и воздействует извне на личность в форме объективированных требований. Морально-психологическая же культура также имеет свои исходные посылки в социуме, но строится и реализуется, исходя из внутренних особенностей биологической и психической природы человека. В первом случае движение идет от социума к личности, а во втором, напротив, в форме ответной реакции, от личности к социуму. Организатором такого взаимодействия выступает власть. Таким образом, ролевая культура “гармонизирует”, приводит взаимодействие соционормативной культуры и морально-психологической под определенное “соответствие” друг другу, а также генеральной политической культуре.

В историческом процессе, начиная с утверждения государственного строя, возникают и функционируют несколько соционормативных культур: культура “принуждения”, культура “долга”, культура “интереса”. В культуре “принуждения” чаще всего использовались так называемые методы “насилия” и формой воздействия оказывался “приказ”. Культура “долга” воздействовала через механизм моральных императивов. Потребности человека, обусловленные его природой и способом жизнедеятельности, становились определяющим механизмом воздействия на сознание и поведение личности в культуре “интереса”. Каждая соционормативная культура имела по крайней

¹ Власть как социальная практика. Исторические и социально-антропологические исследования. – Геттинген, 1991 // Вопросы истории. – 1993. – №6. – С. 174.

мере две субкультуры, свивавшие “гнезда” в структуре духовной жизни человека. Так, культура “принуждения” основывается на субкультуре “страха” и “стыда”. Культура “долга” строится на базе субкультур: “стыда”, “вины” и “совести”, а культура “интереса” использует субкультуры “свободы” и “законности”¹.

Самыми древнейшими чувствами, которые использовались как формы социального и политического контроля, были страх и стыд. В эпоху формирования и развития государственного строя они уже становятся важнейшими “инструментариями” физического и культурно-психологического воздействия. Страх присущ всем животным и выражает отношение к внешним силам. В контексте культурно-психологического взаимодействия страх регулирует отношения с чужими, посторонними, потенциально враждебными человеческому “мы”, выступающими в образе “они”. Это чувство имеет инструментально-биологические основы. Его корни очень часто произрастают из сферы бессознательного, подсознательного. Человек нередко испытывает чувство безотчетного страха, которое трудно поддается рациональному объяснению, но оно, несомненно, имеет влияние на предпринимаемые им решения и поступки. Таким образом, страх бывает осознанный и неосознанный. Можно классифицировать несколько основных видов страха, которые мучают человека всю жизнь: страх смерти, страх боли и болезни, страх бедности, страх старости, страх осуждения, страх потерять работу, любовь, близких и т.д. Противоположными, с положительным знаком, являются чувства безопасности, защищенности, уверенности. Чувство длительного страха, испытываемого человеком, порождает умонастроение пессимизма, а в противоположном случае сопровождается оптимистическим отношением к миру. Конечно же, страх в своей основе имеет физиологические и психические корни.

Замечено, что именно культура “страха” исторически становится первой наиболее фундаментальной причиной, порождающей явление “двойного стандарта”. Психологическое состояние страха вызывает в душе человека

желание лукавства. Обмануть, чтобы выжить. Говорить одно, а делать другое. Это чувство, ставшее бессознательной привычкой, преобразуется в компонент рассудка, а затем уже облачается в костюм политического лавирования. Политик, желающий быть победителем, а не побежденным, должен искусно лавировать между словом и делом. Такова логика поступков борющихся сил в мире. Между политикой и моралью как сферами жизнедеятельности человека разверзается непреодолимая пропасть. Противостояние морального должностовования и политической целесообразности в самой практике общественной жизни создает реальные условия для возникновения института “двойного стандарта”.

Политика, как известно, действует в сфере “реально-сущего” в отличие от морали, пребывающей в сфере “идеально-должного”. Разграничение “сущего” и “должного”, осуществленное на формально-логическом уровне еще Аристотелем, позволяло выделить мораль в особую сферу и четко обозначить предметное содержание этической науки. Но почему-то в последующем эта аристотелевская классификация не получила основательного развития. В средневековье, по-прежнему, продолжали рассматривать политику и мораль в единстве. И тому имелись серьезные основания. Только в начале XVI в. Н. Макиавелли, автор “Государя”, не прибегая ни к каким моральным сентенциям, показал политическую реальность Европы “ренессансного периода” такой, какой она была на самом деле. Он ничего не выдумывал и ни на чем не настаивал, а лишь описал технологию политического управления государей, как говорится, не называя имен, которые на деле применяли с успехом искусство “двойного стандарта” и показывали умение реально властвовать. В этой технологии не было места никакой морали. И действительно, как писал К. Маркс, начиная с Нового времени, теоретическое рассмотрение политики освободилось от морали. Не моральное увещевание, а политическое насилие доминирует в сознании и поведении людей.

И в древности, а особенно в средние века, уже хорошо понимали и умели использовать механизм страха, чтобы подчинить человека. Одним из могучих инстинктов, способство-

¹ Дононбаев А. Кыргызстан. Политическая культура. Человек и государство. – Бишкек, 2003. – С. 56–65.

вавших завоеваниям Чингисхана, был человеческий страх. “Кровопротития, грабежи и разрушения были таковы, что селения были покинуты, а земледельцы уходили голые... Не было слышно ни блеяния, ни рева, лишь кричали совы и отдавалось эхо... Убийства становились забавой... Небесная сеть разорвалась, ось земли сломалась, человеческая справедливость исчезла” – гласит надпись на могиле советника Чингисхана Елюй Чуцай¹. Известный русский историк Т. Грановский, описывая жизнь Тимура, в том числе и эпизод, когда по приказу повелителя сложили целый холм из черепов 70 тысяч умерщвленных жителей Исфагани (Исфахана), предполагает какую-то безотчетную страсть завоевателя к разрушениям и жестокостям².

Или иной пример. Кровавыми событиями, вселявшими ужас и страх, наполнена вся история Западной Европы в средневековье и Новое время. В 476 г. Западная Римская империя прекращает свое существование. Племена германцев и других народов устремляются на земли, никем не защищаемые. Цепь непрерывных войн, накатывавшихся одна за другой, растягиваются на целые века. Разрушения и разорения представляли устрашающее зрелище. Человеческая жизнь теряет всякую ценность. Мироощущение того времени Григорий Великий выразил в словах: “Меч доходит до души”. В условиях кровавого хаоса, когда ожидание гибели мира овладевает большинством людей, страх и отчаяние становятся постоянными спутниками жизни. В период гражданских и религиозных войн, охвативших европейские страны в конце XVI и первой половине XVII вв., разрушения, жестокости, убийства, грабежи, эпидемии, голод становятся повседневными и будничными событиями жизни огромных масс людей. “Пустыни простирались там, – описывал Ф. Шиллер, – где прежде трудились тысячи бодрых и деятельных людей... Сожженные земли, запущенные поля... являли картину страшного разрушения, между тем как их обнищавшие обитатели сами умножали число разбойничьих отрядов,

страшными насилиями вымещали на своих согражданах то, от чего пострадали сами”³.

Однако эти разрушения и жестокости не были “бессмысленными”. Ставилась цель – посеять страх, распространить ужас, подавить волю к сопротивлению и привести людей к рабской покорности. В первом приведенном примере, для того чтобы уничтожить любые проявления своеволия, каким-то образом направленные против жесточайшего деспотического порядка. Во втором, напротив, уничтожить любые ростки разумного порядка, чтобы безжалостные проявления анархического своеволия держали людей в постоянном страхе.

Страх сеяли во все времена. “И внутри страны и вне ее я царствую лишь благодаря внушаемому всем страху”, – с сарказмом признавался Наполеон⁴. Исследователи считают, что А.И. Солженицын в серии своих романов, посвященных ГУЛАГу, с потрясающей страстностью раскрыл человеческий страх в его физиологической сути. А вот психологическую основу страха со всей глубиной показал А. Зиновьев. “Томо советикус”, по его мнению, во многом определен страхами не перед лагерной стеной, тюремными истязаниями, колючей проволокой, не перед органами власти, начальниками и своим окружением. Все это можно вынести и вытерпеть. Существует страх перед нечто огромным, неведомым, а потому и ужасным. А. Зиновьев называет его “коммунальным монстром” или “коммунальным телом”⁵. Замечательный писатель Д. Гранин в своем эссе “Страх” рассказывает о том, что люди страшные, доказавшие это не раз в деле, не могли справиться со страхом, когда судьба сводила их с пресловутым “коммунальным монстром”⁶. Что это за чудовище такое? В сталинские годы и позже “коммунальный монстр” мог представлять в образе руководителей пар-

¹ Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. – Бишкек, 1991. – С. 252–253.

² Тамерлан. Эпоха. Личность. Деяния. – М., 1992. – С. 405–406.

³ Шиллер Ф. Собр. соч.: В 8 т. – М.; Л., 1937. – Т. 7. – С. 547–548.

⁴ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. – М., 1986. – С. 598.

⁵ Советское общество и советский человек – точка зрения А. Зиновьева // Вопросы философии. – 1992. – №11. – С. 48–49.

⁶ Гранин Д. Страх // Нева. – 1997. – №3; Его же: Анатомия страха // Литературная газета. – 1997. 12 нояб.

тии и страны. Речь не идет о власти, сосредотачивавшейся в руках конкретных персоналий. Носителем “коммунального тела” мог быть рядовой человек. Дело в символе, ореоле, знаке, образе, воплощаемом ими. Они как бы олицетворяли мудрость партии, народа и страны, несли в себе некую всеподавляющую громаду того, что можно обозначить как “всеобщее”. Перед этой громадой, по-видимому, и ломались самые мужественные, испытывали тот неизъяснимый страх, о котором столь художественно поведал нам Д. Гранин.

Таким образом, социальное развитие с древнейших времен до наших дней трудно представить без такого мощного регулирующего механизма взаимоотношений людей, как культура “страха”. Как ни печально об этом говорить, но страх был повелительной силой, толкавшей людей на те или иные действия, в совокупности создававших тот меняющийся “пейзаж”, который называется историческим процессом. Советский народ на своем трагическом опыте извещал в течение ряда десятилетий угнетающую силу этого чувства. Немцы и другие народы Европы также познали сущность насаждавшейся фашистским режимом культуры “страха”¹.

На обильно взошедшей ниве культуры “страха” в СССР родился и вырос чудовищный монстр “двойного стандарта”. Тоталитарная политическая система, господствовавшая в стране в течение многих десятилетий, насаждала в обществе и человеке чувство такого страха, что его психологическое преодоление даже после разрушения советского строя давалось с огромным трудом. Нельзя понять и объяснить советскую политическую культуру без глубинного анализа данного фактора. Слишком уж ярко выраженным было действие “двойного стандарта” в СССР. В указанном

смысле это была классическая страна. Разрыв между словом и делом здесь достигал колоссальных масштабов и огромных глубин. Рядовые работники обманывали начальство, а все вместе – государство. В свою очередь, государство обманывало народ. И при этом очевидно, что моральный кодекс строителя коммунизма, назойливо провозглашаемый с каждой стены, но не имевший твердой почвы в поведенческих ориентациях людей, был тем не менее неотъемлемым компонентом советской политической культуры. С другой стороны, “отклоняющееся поведение” также представляло полноправный элемент “модели” политического сознания и поведения советского общества. Советский человек, уверенный в правоте морального кодекса и при всех жизненных обстоятельствах, когда его принципы не вставали в противоречие с собственными личными интересами, отстаивавший его реализацию как в сознании, так и в поведении, становился на позицию “двойного стандарта” под давлением внутренних и внешних причин. Разумеется, в его сознании постоянно шла напряженная борьба между тем, что “нельзя, но если сильно хочется, то можно”.

Американские политологи Р. Феджин и Р. Такер обратились к такому случаю. Большинство граждан страны “X” убеждено, что чиновники поступают дурно, когда берут взятки. Однако чиновники продолжают брать взятки. Ученые задают себе и другим вопрос: “Что считать политической культурой этого общества: убежденность граждан или поведение чиновников”. И первое, и второе – полагают они². Прав оказался американский ученый Н. Петро, который считает существенной ошибкой советологии ее неспособность увидеть альтернативный характер развития политической культуры в бывшем СССР. Советологи, за редким исключением, придерживались мнения о монолитном и неизменном характере авторитарной и коллективистской политической культуры в этой стране. Они не могли понять природу советского “двойного

¹ Некоторые авторы подходят к определению понятия политической культуры с позиций ценностных критериев. Например, такой вдумчивый исследователь, как Н.М. Кейзеров считает совершенно противостественной формулу – “политическая культура фашизма”, ибо фашизм и культура антиподы. *Кейзеров Н.М. Методологические аспекты критики буржуазных концепций политической культуры // Вопросы философии. – 1982. – №1. – С. 100.*

² Пример взят из статьи: *Баталов Э.Я. Советская политическая культура (к исследованию распадающейся парадигмы) // Общественные науки и современность. – 1995. – №3. – С. 60–61.*

стандарта”: то, что человек говорит одно, думает другое, делает третье. Поэтому советологи считали невозможной победу демократического движения здесь¹. Но реальность оказалась более сложной. Как показывает реальный опыт, каждая исторически развивающаяся политическая культура несет в себе альтернативные тенденции и возможности.

Этот “сумбур” есть отражение “гипертрофированно” проявляющегося в советском человеке состояния “двойственности” и даже “тройственности”. Сообразуясь с результатами проведенного в 1989 г. социологического опроса 2700 респондентов, перепроверенного и уточненного в 1990–1991 гг., Ю. Левада приходит к заключению, что фундаментальной характеристикой советского человека являлась его двойственность². Культура “страха”, прививаемая в массах еще со времен Сталина, сделала человека не просто с “двойным дном”, но и с “тройным дном”. Когда пишут, характеризуя не лукавого, изощренного политика, а простого человека, что он: “думает одно, говорит другое, делает третье”, т.е. является не только “двуликим”, но и “трехликим Янусом”, то речь идет в первую очередь о советском человеке, который, приспосабливаясь к изуверским правилам тоталитарной системы, вынужден был скрывать свои мысли, вообще делать то, что приказано, вопреки здравому смыслу.

Начиная с 50-х годов, когда тоталитаризм в духовной жизни постепенно перерос в авторитаризм, ментальный феномен, названный Дж. Оруэллом “двоемыслием”, и “мыслепреступлением”, расцвел особенно пышным цветом. Власти негласно, неофициально были вынуждены признавать внутреннюю свободу слова и совести. Но в официальной, публичной сфере сохранялись, как и прежде, полное господство цензуры и категорическое неприятие инакомыслия. Люди, внешне подчиняясь догматам официальной идеологии, обрели внутреннюю свободу суждений. Иначе говоря, человек мог говорить в узком кругу близких все

что думает, но в своих публичных выступлениях высказывать свои мысли в соответствии с утвержденными установками властей. Так, например, партийные решения и постановления преломляются в сознании и поведении людей в форме устойчивого иммунитета: на словах выражая “горячее”, “единодушное” одобрение, на деле они проявляют в отношении этих решений и постановлений холодное безразличие и, более того, резкое неприятие. Слова и дела советского человека раздваиваются. На работе, собраниях, митингах и иных официальных местах, он предстает лояльным гражданином, преданным делу партии, а в частной жизни проявляет свое полное равнодушие и недоверие ко всему тому, что идет от властей. Иностранцам трудно было постичь в достаточной степени реальные масштабы и глубину существовавшего в социалистическом обществе феномена двоемыслия: говорить “правильные” слова о родине, партии, руководстве, и одновременно жить совсем иной, вовсе не лозунговой жизнью. Следовательно, в одном и том же человеке одновременно уживаются противоположные, иногда взаимоисключающие друг друга побуждения, ориентации и установки. Причем часто сам человек не замечает, что исповедует в одно и то же время противостоящие друг другу истины и, что самое удивительное, относится к этим взаимоисключающим линиям сознания и поведения с доверием, ориентируется на них вполне искренне, просто не замечая этого чудовищного несоответствия.

“Двойной стандарт” в сознании и поведении советского человека глубоко проник и в общественную науку. Такие черты, как априоризм, умозрительность, морализаторство, выраставшие на почве предельной идеологизации общественной науки, стали “ахиллесовой пятой” советской методологии и сыграли злую шутку с исследователями в этой области, не позволив им проникнуть в реальную суть того, что до сих пор в литературе обозначается как “политическая культура социализма”. Идеологический пресс, постоянно довлевший над сознанием исследователей, требовал приносить в жертву “сущее” во имя утверждения в сознании людей “должного”, приноравливаясь к априорно, умозрительно постулируемым принципам и нормам “реального социализма”.

¹ Петро Н. О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии // Политические исследования. – 1998. – №1. – С. 36.

² Levada Yu. The Soviet Man: Preliminary Results // Soviet Studies... – 1991. – P. 111.

Это обусловило возникновение и как бы незримое присутствие в сфере духовно-практической жизни такого явления, как “двойственное мышление”, проявляющее свое действие и в обыденных делах, и в политических решениях, и в научных изысканиях¹.

Большая часть из многих весьма серьезных и основательных работ, созданных советскими исследователями, к сожалению, обладала одним уязвимым местом. Несмотря на стремление не отходить от линии объективного научного анализа, эти работы страдали приверженностью к так называемому “формационно-классовому редукционизму”, сводящему все многообразие содержания, структуры, сторон, граней и связей политической культуры и типологии личности лишь к прогрессистской трактовке. Поскольку социализм считался более высокой, соответственно более прогрессивной ступенью формационного развития, чем капитализм, постольку и политическая культура противопоставлялась по линии: во-первых, либо буржуазного, либо рабочего класса; во-вторых, либо капиталистического, либо социалистического общества. Образ советской политической культуры и социалистический тип личности идеализировался, отрывался от реальной основы, возводился на некий “должный” уровень, якобы присущий социалистическому образу жизни.

Этот подход, разумеется, не являлся выражением “субъективного произвола” исследователей, отражая черты той методологической традиции, которая сложилась и доминировала в советской общественной науке. Характерно, что “классовый взгляд”, т.е. “классоцентризм”, являлся стержневой основой идеологического противопоставления двух общественных систем. В свою очередь, идеология обосновывала противоположность миров. Один из умнейших деятелей большевистской партии Н.И. Бухарин утверждал: “Раздвоение хозяйства есть в то же время раздвоение политики, поляризация классов, раздвоение не только способа производства, но и “способа представлений”, раздвоение мировой

культуры, антагонизма мировоззрений, формирование разного типа людей...”².

Черта “двойственности” удивительным образом преломляется в сознании номенклатурного деятеля. Уже в годы “перестройки”, когда появились первые предприниматели, заработавшие большие деньги, чиновники их невзлюбили. Но на словах, конечно, поддерживали. Однако их возмущало то, что исчезала “справедливость”. Номенклатурный деятель признавал за богатством ценность и благо лишь в том случае, если оно досталось человеку “достойному”. А достойным мог быть только занимающий определенный статус в номенклатурной системе. Когда богатство достается неизвестно откуда явившемуся человеку, оно перестает быть ценностью и благом. Эта двойственность восприятия ценностей мира становится важнейшей причиной того, что с тех времен намечается противостояние чиновников и предпринимателей.

Кроме того, естественно, переход государственной собственности, которой распоряжалась номенклатура, в свою противоположность, частную собственность, “разогревает” неумные аппетиты чиновников. Черта двойственности, как отмечалось, преемственно сохранилась и в индивидуально-личностном облике постсоветского человека. Это видно хотя бы из ответов респондентов на вопросы социологической анкеты. Так, в экономической сфере парадокс общественного сознания выражался, с одной стороны, в принятии идеи рыночной экономики (с 43% в 1990 г. до 90% в 1994 г. увеличилось число в той или иной степени поддерживавших идеи рынка), а с другой стороны, это же сознание отвергает носителей и творцов рынка – предпринимателей, банкиров, менеджеров, торговцев и т.д. (от 40% до 60%). Они признаны носителями отрицательных качеств, ответственными за развал экономики. Не менее парадоксально то, что многие люди (до 70%), признавая ухудшение своего жизненного уровня, в то же время (до 50%) продолжали поддерживать проводимую рыночную политику. Поразительны и особенности правового сознания, проявляющиеся в том,

¹ Scanlan J.P. Doublethink in USSR // Problems of Communism. – 1985. – Jan.-Feb. – P. 6.

² Бухарин Н.И. Этюды. – М.: Госполитиздат. – 1932. – С. 369.

что человек одновременно ратует за правопорядок, законность и в то же время считает возможным нарушать законы, если это будет “полезно для дела”.

Причем такая двойственность характеризовала не только простого обывателя, но и облеченных властными полномочиями лиц. В 1994 г. считали допустимым нарушение существующих законов 56%, а 36% респондентов ничего зазорного не замечали в том, чтобы ради пользы самим нарушить закон. А вот парадокс, выявленный в ходе избирательной кампании 1993 г. Согласно одной из американских методик, имидж политического лидера партии равен имиджу самой партии. Ориентируясь на эти выкладки, некоторые социологические центры сделали заключение, что если 37% жителей больших городов выражают симпатии Гайдару, а 30% – Явлинскому, то именно их партии получают соответствующее количество голосов. Однако российская действительность оказалась совершенно не подчиняющейся этим прогнозам, которые могли быть вполне эффективными в американских условиях. Рейтинг возглавляемых Гайдаром и Явлинским партий оказался в 2,5–3 раза ниже. Социологические опросы середины 90-х годов показывали, что с одной стороны, люди отрицательно характеризовали деятельность президента Б.Н. Ельцина, еще ниже оценивали правительство и Госдуму, резко критиковали местную власть. Но, с другой стороны, многие респонденты не могли твердо указать на те альтернативные силы, которые могли бы навести нужный с их точки зрения справедливый порядок в стране¹.

И самое удивительное, несмотря на происходящие вокруг перемены, черта двойственности, присущая сознанию и поведению постсоветского человека рубежа XX и XXI вв., почти не распадается, не разрушается, а лишь медленно размывается, рассасывается под напором изменяющихся жизненных обстоятельств. К огромному сожалению, институт “двойного стандарта” стал важнейшим инструментом политической жизни и в странах,

сложившихся на постсоветском пространстве. Механизм страха исчезает. Но не родилась еще культура “доверия”. Доверия между народом и властью, обществом и государством.

Именно поэтому человек не меняется должным образом, несмотря на то, что наступили новые времена? И если меняется, то не в ту сторону, которую хотелось бы? Ведь, казалось бы, революционные изменения в общественной жизни влекут к революционному же обновлению самого человека, типа человеческой личности. Созрела для перемен личность во всей полноте ее социально-культурных и ментально-психологических характеристик – открывается простор для перемен в общественных отношениях, а значит, и отвечающих им регулирующим механизмам человеческой деятельности. Не созрела – эти изменения в общественной жизни тормозятся, заглушаются и задерживаются. Вот поэтому, оказывается, вопрос о возможности качественного обновления общества – это, может быть, в первую очередь, вопрос о социальном типе человека и его соотносительности с новой действующей системой регулирующих механизмов, вопрос о готовности или не готовности человека воспринять перемены в данной системе социальных регуляторов. Или, иначе говоря, о способности и неспособности регулирующих механизмов обеспечить наилучшую реализацию созданного в ходе исторического процесса человеческого потенциала. В тоталитарно-авторитарной системе Советского Союза не существовало никакой реальной почвы для формирования из существующего человеческого материала основ либерально-демократической политической культуры. В этой связи, разумеется, массовый человек ни в коей мере еще не был готов сразу же принять и освоить регулирующие механизмы новых общественных отношений. Поэтому, видимо, переход от тоталитарно-авторитарной к либерально-демократической политической культуре в странах СНГ, а также в Кыргызстане, займет длительное время и окажется весьма затрудненным. Ведь еще Н. Макиавелли в свое время подчеркивал, что люди отчасти не доверяют состоянию нового порядка вещей, пока оно не закреплено продолжительным опытом.

¹ Тощенко Ж.Т. О парадоксах общественно-го сознания // Социологические исследования. – 1995. – №1. – С. 8–9.

Здесь, конечно же, огромную роль играет система политической культуры, в которую “вписан”, живет и действует человек. Впитавшаяся в “кровь и плоть” народной жизни определенная историческая форма политической культуры наиболее зримо проявляет себя в ориентациях сознания и поведения обыкновенного человека. Политическая культура обладает колоссальной устойчивостью, как бы иммунитетом к внешним воздействиям, историческим и нравственно-психологическим потрясениям, даже к самым болезненным социально-экономическим трансформациям. По самой своей сути политическая культура консервативна. Наверное, поэтому в свое время З. Бжезинский, Э. Кинен, С. Уайт, анализируя глубинные причины провала реформаторских усилий Н. Хрущева и М. Горбачева, выступали с резкой критикой теории модернизации, согласно которой введение демократических институтов и изменение облика страны являются гарантией перехода из традиционного в современное общество¹. Но даже если совершается революционная ломка, как показывает опыт, политическая культура имеет свойство цепко держаться на плаву. По справедливому определению Р. Такера, “сколь бы революция ни оказалась новаторской в культурном плане – в контексте формирования новых институтов, представлений, ритуалов, идеалов и символов, – национальный культурный этос сохраняет свое бытие многими способами, при этом более устойчиво в одних сферах жизни, чем в других”. По его мнению, лишь со временем наблюдается процесс адаптирования, через посредство которого элементы дореволюционной культуры прошлого национальной общности ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом “принимает форму амальгамы старого и нового”².

¹ Brzezinski Z. Soviet Politics: From the Future to the Past? // *The Dynamics of Soviet Politics*. Cambridge. – 1979; Keenan E. Muscovite Political Folkways // *The Russian Review*. – 1986. – №45; White S. Soviet Political Culture Reassessed // *Political Culture and Communist Studies*. – N.-Y., 1984.

² Tucker R. Political Culture and Leadership in Soviet Russia. From Lenin to Gorbachev // N.-Y. – London, 1987. – P. VII–VIII.

Соглашаясь с этой позицией, я также считаю, что попытка насадить в стране демократические институты, без существенных перемен в “человеческом материале” и радикального обновления самой политической, социальной и экономической системы, приведет лишь к появлению новой формы при сохранении старого содержания. К тому же, еще нигде модернизация общественных структур и приобщение к достижениям мировой цивилизации не совершались через простое подражание, заимствование, но всегда лишь на базе собственных национальных культурных традиций. Пока не преобразуется коренным образом сама суть общественных отношений людей, трудно говорить о радикальном обновлении общества. Как мы видим, даже тогда, когда произошла полная смена политических институтов и в жизни общества совершились достаточно серьезные преобразования, старая, как бы “зацементированная” система политической культуры продолжает прочными корнями сидеть в сознании и поведении человека. Так, в настоящее время, можно сказать, постсоветское общество в странах СНГ, порвавшее с тоталитарными институтами социалистической эпохи, все еще продолжает оставаться заложником ее политической культуры.

К сожалению, в советской общественной системе длительное время господствовала установка, согласно которой коллективизм признавался позитивной, а индивидуализм, напротив, негативной тенденцией в историческом развитии личности³. И только в конце 80-х и в 90-е годах “пробилась” идея, что и коллективизм, и индивидуализм необходимо оценивать в историческом контексте. В разных ситуациях они могут играть как положительную, так и отрицательную роль⁴.

Беда в том, что в образе мышления нынешнего постсоветского человека многое уна-

³ Гак Г.М. Диалектика коллективности и индивидуальности. – М., 1967; Замошкин Ю.А. Кризис буржуазного индивидуализма и личность. – М., 1967; Калочаи Д. Проблема личности и коллектива в буржуазном обществе // *Философские науки*. – 1973. – №4.

⁴ Замошкин Ю.А. За новый подход к проблеме индивидуализма // *Вопросы философии*. – 1989. – №6.

ледовано от советского человека. В Советском Союзе принудительное объединение безликой массы в коллективы тоталитарного типа привело к тому, что люди утратили как способность к старым, традиционным формам организации жизни, так и не выработали навыков новой, демократической, добровольной самоорганизации. Из реального социализма тянется шлейф привычек и стереотипов, существовавших как своего рода защитные механизмы, ограждавшие человека от нестерпимой категоричности вездесущих официальных требований и правил. Отсюда появляется тот феномен, который назван “двоемыслием”. Одно для официального, а другое для неофициального употребления. В официальном кругу человек говорит правильные слова, призывает строго следовать моральным нормам и правилам, но в неофициальной среде, так сказать, среди своих, а также сам с собой, он признается, что вовсе не собирается им следовать. Реакцией на распад тоталитарной социальности стал болезненный корпоративно-групповой и индивидуальный эгоизм, анархическое неприятие любых форм человеческой социальности, организующим началом которых выступает государство.

Как точно замечает писатель Фазиль Искандер, “под влиянием советской цивилизации все становится однородно похожим друг на друга”. Эта однородность выражалась в гипертрофированном росте унифицирующей социальности. И как некое ответное противодействие, в постсоветский период, по наблюдениям Г.И. Мирского, среди населения произошла своего рода “приватизация общественной жизни”. Тотально идеологизированная и социализированная общественная система, стремившаяся подчинить все личное государственному, породила тип насквозь деидеологизированного, десоциализированного, поглощенного частной жизнью, эгоистического человека. Утомленные и подавленные предельной политизацией и социализацией жизни, люди, подобно улиткам, ушли в свои эгоистические раковины. В данном контексте, пожалуй, десоциализация — самая характерная черта постсоветского человека.

Между тем личная ответственность предполагает, что человек кровно заинтересован в общественных организациях. Поскольку, как

отмечалось, цементирующим составом социальности в тоталитарной системе выступает абсолютное государство, постольку его распад неминуемо ведет к разложению всех социальных связей. Весьма знаменательными являются слова русского экономиста конца XIX — начала XX вв. А. Миклашевского, отметившего в своей книге “Земельная реформа и оптимизация труда” о том, что “когда наступает полный распад прежних социальных отношений, начинают торжествовать не альтруистические, а эгоистические тенденции”. И действительно, стоило развалиться, вызывавшим всеобщую ненависть, принудительным скрепам тоталитарного режима, как выяснилось, что людей больше ничего не объединяет. Общество постсоветского периода только сейчас начинает самоорганизовываться в различные структуры. В потаенных глубинах сознания массового индивидуума прочно утвердилось желание как бы отделаться от того, чтобы не следовать принудительной силе любых правил социальности. Разумеется, ситуация, например, в России и Центральной Азии различается. В России распад социальных связей принял больше форму индивидуального эгоизма, в Центральной же Азии — корпоративно-группового эгоизма. Следовательно, мы сталкиваемся чаще всего с ситуацией несовпадения в личных интересах человека эгоистических и общественных побуждений. Например, неумная жажда быстрого и легкого обогащения, которая обуяла людей, встает в противоречие с регламентирующей силой правил. И тогда индивидуум, внутри которого еще не сложился стержень культуры “закона”, просто отбрасывает в сторону препятствующие правила. Кроме этого, не замечается еще один момент: если советский человек в условиях плановой экономики привык к “жесткой” стабильности и соответствующей ей неизменяемости правил, то постсоветский человек в условиях рыночной экономики вынужден быть постоянно готовым к динамично развивающимся событиям и, соответственно, изменению правил. Субъективно, не успевая за объективными событиями, что порождает хаос в его сознании и поведении, он вообще выбирает позицию не придерживаться каких-то социальных правил. Анархические, произвольные побуждения становятся нередко ру-

ководящим мотивом его поведения. Такого рода десоциализация, о которой здесь говорится, есть негативно проявляющаяся индивидуализация, часто приобретающая характер предельного эгоизма. Индивидуализация подобного образца, если она сохраняется длительное время как главная тенденция сознания и поведения личности, при изменившихся жизненных обстоятельствах препятствует формированию здоровых социальных связей и превращается в опасный фактор общественного развития.

Ориентацию такого типа Г.Г. Дилигенский обозначил как “адаптационный индивидуализм”¹. Согласно З. Фрейду необузданные иррациональные страсти, коренящиеся в неконтролируемых сознанием глубинах индивидуальной психики, умеряются, обрабатываются, “цивилизируются” своеобразным “Сверх-Я” – интернализуемыми нормами культуры, выполняющими функцию “цензуры” по отношению к страстям. “Адаптационный индивидуалист” постсоветского времени – это личность, лишенная “Сверх-Я”. Он преследует лишь свой эгоистический интерес – стремление иметь больше денег, власти, жить в богатстве и роскоши, не обладает способностью создавать реальные ценности, любить свое дело, быть ответственным и достойным хозяином.

Самое простое определение индивидуализма как системы мировоззренческой и поведенческой ориентации сводится к тому, что всестороннее и глубокое развитие и совершенствование индивидуальности есть главная цель, которую обязан ставить перед собой в своей деятельности человек. Эта цель должна определять деятельность также общества и государства. При этом, если другие люди и общество в целом воспринимаются лишь как средства, а не как цели, то данная ориентация неизбежно приводит к эгоизму. Социально-негативное проявление индивидуализма, утверждает Э.Ф. Петров, когда ценности отдельной личности противопоставляются ценностям других людей и всего общества, по существу,

дает нам понимание того, что называют эгоизмом². Поэтому индивидуализм отдельно взятой личности, чтобы не перерасти в эгоизм, должен признавать как цель развитие индивидуальности других личностей. В идеале коллективность есть форма развития индивидуальности, и наоборот, развитие коллективности способствует совершенствованию индивидуальности. “Индивидуализм, – пишет в данной связи Э.Я. Баталов, – в принципе не тождествен эгоизму: индивидуалистически ориентированный субъект может проявлять заботу о политическом интересе других граждан и общностей”³. Коллективизм определяется как система мировоззренческих и поведенческих мотивов деятельности человека, в которой потребности и интересы общества в целом, государства, нации, класса и т.д. становятся главной целью. Смысл коллективизма проистекает из глубинного взаимодействия “индивида” и “вида”. Индивид, ставящий во главу угла интересы вида, “заряжен” коллективистскими импульсами. Поэтому коллективизм можно понимать как отражение потребностей общности в деятельности отдельного человека. В этом случае вся жизненная энергия, усилия и поступки личности превращаются в средство достижения главной цели. Однако достижение главной цели требует не “жертвенности” со стороны индивидуальности и отторжения индивидуального начала, открывающего возможность достижения не мнимокolleктивистских, а подлинно коллективистских принципов. Речь идет о том, что подлинно коллективистские цели достигаются тогда, когда коллективность не подавляет индивидуальность, а напротив, способствует раскрытию задатков и дарований индивидуальности. Солидаристское взаимодействие в коллективе наполняется осмысленным светом, приобретает жизненно важное значение для каждой индивидуальности не в силу принуждения и “присвоения воли”, а по мере осознанности и превращения в потреб-

¹ Дилигенский Г. Политическая институционализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – №8. – С. 11.

² Петров Э.Ф. Эгоизм (Философско-этический очерк). – М., 1969. – С. 31.

³ Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М., 1990. – С. 131.

ность развития. Но, как было отмечено, в реально-историческом процессе эти две неразрывные стороны чрезвычайно редко согласовывались и гармонизировали. В принципе, и индивидуализм, и коллективизм выступают в образе “идеально-типических” моделей, ориентирующих развивающееся сознание и поведение человека в направлении движения от “сущего” к “должному”. Но в социальной практике коллективизм “сплетается” с корпоративизмом, а индивидуализм с эгоизмом. История показывает, что коллективистская тенденция чаще всего “сползала” в корпоративистскую “нишу” поведения и сознания людей, а индивидуалистическая тенденция – в эгоистическую. Поэтому в истории больше всего наблюдаются такие “реально-типические” формы человеческих ориентаций, как корпоративизм и эгоизм. Конечно, из данного утверждения вовсе не вытекает, что в исторической реальности не было никаких проявлений в деятельности людей коллективизма и индивидуализма. Но в массовом масштабе корпоративизм и эгоизм оказывались более прагматичными и действенными инструментами реализации групповых и индивидуальных целеустремлений человека. И наконец, если в эгоизме абсолютизируются интересы отдельной личности и противопоставляются интересам других людей, то в корпоративизме выпячивается роль группового, ведомственного, кланового, кастового, цехового и прочего интереса и пренебрегается интерес других коллективов. В этом случае мы сталкиваемся с действием не индивидуального, а социального, коллективного эгоизма.

В 1989 г. социолог М. Урнов пришел в своих материалах к сенсационному по тому времени выводу о том, что в СССР нет социального слоя, который являлся бы носителем демократических ценностей. Поэтому переход к демократии будет долгим и болезненным. Авторитарный синдром, присущий советскому человеку, отличался чудовищной гипертрофированностью. Социолог спрашивал физиков: “Чего вы боитесь больше: вашего начальства или термоядерной войны?” Ответ был поразительным: опасаящихся начальства оказалось втрое больше. Культура “страха” здесь все еще доминирует. А на вопрос, следует ли эмигран-

там 70-х годов разрешить вернуться домой, до 40% опрошенных из среды интеллигенции, отвечали “нет”. Индивидуальный эгоизм проявляет свое лицо.

Авторитарный синдром, сохранившийся и в условиях демократии, питается из этих культурно-психологических истоков. Изменилась лишь его структура. Например, на вопрос, что более ценно: понятие Родины или индивидуальная свобода, в 1992 г. только 20% респондентов полностью или частично отдавали предпочтение свободе. В 1994 г. таких уже было 50%. Из этого вовсе не следовало, что люди меньше стали любить свое Отечество. Дело в том, что ценности индивидуальной жизни постепенно также утверждались в сознании людей. Следовательно, общество и человек с трудом, но все же адаптировались к меняющейся жизни. Вместе с тем, на вопрос: что важнее, соблюдение индивидуальных прав человека или порядок в обществе, большая часть людей склонялась к требованию “твердой руки” – 80%. Но постепенно, подобно капле воды методично подтачивающей камень, время все же берет свое и сегодня в странах СНГ и Кыргызстане можно наблюдать, как в муках острейших социально-культурных противоречий, рождается новая политическая культура. Одновременно идет медленное разложение старой политической культуры. Но, протекающая на наших глазах жизненная практика доказывает, что этот процесс продвигается весьма противоречиво и займет длительное время. Как бы то ни было, постсоветские государства СНГ, несмотря на предпринимаемые серьезные реформаторские шаги, еще долго будут, если не оставаться во власти, то, по крайней мере, испытывать ощутимое влияние рецидивов советской политической культуры. Мы и дальше будем свидетелями медленного напластования элементов новой политической культуры и постепенного вытеснения элементов старой политической культуры.

На переходном этапе исторического развития, переживаемом ныне странами СНГ и Кыргызстаном, социально-психологический и ментально-нравственный тип человека не может характеризоваться иными чертами, нежели чем свойствами “маргинальной” личности. Сознание и поведение маргинальной личности

уже не вписывается в контекст прежней советской социалистической системы регулирующих механизмов и еще не вписывается в контекст новой либерально-демократической системы капиталистических регулирующих механизмов. Это личность, которая одновременно обитает в двух мирах. Она еще не ушла полностью из прежде обжитого старого мира, но и не пришла полностью в необжитый новый мир. У нее отсутствует механизм адаптации ни к старому, ни к новому миру.

Такая “переходная” личность с большим трудом интегрируется в формирующуюся новую систему общественных отношений. Ее индивидуальное сознание раздваивается, расщепляется. Она не обладает твердой жизненной ориентацией и поэтому достаточно легко становится удобным объектом политического манипулирования, групповых и корпоративных интересов, амбициозных игр. Ее поведение частенько характеризуется как

асоциальное. Ее легко можно завлечь в сети агрессивного или, напротив, апатичного состояния. И все же, рассматривая типологические характеристики постсоветского человека, мы должны заметить, что в его личностных чертах, по-прежнему, значимую роль играет система ценностей, свойственная советскому человеку. Мера преемствования в его политической культуре превалирует над мерой изменения. Постсоветский человек продолжает во многом, но конечно, не во всем, видеть мир теми же глазами, что и советский человек. Вместе с тем, нельзя не обращать внимания на ту динамику изменений в его облике, которую вызвали новые жизненные преобразования и веяния. Перемены в общественном и человеческом облике современного Кыргызстана, начавшиеся после 24 марта 2005 г., вселяют надежду, что “двойной стандарт” со временем станет историческим анахронизмом.